

Н. ЛАРИН

ОЛЕНЬ ДВУГОРБЫЙ

СБОРНИК ВСЕГО НА СВЕТЕ

Н. Ларин

**Олень двугорбый.
Сборник всего на свете**

«Издательские решения»

Ларин Н.

Олень двугорбый. Сборник всего на свете / Н. Ларин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749523-7

Эта книга — уникальная. Если два или три человека смогут её понять, то мир уже не будет прежним. И если никто не сможет её понять, то мир всё равно не будет прежним. Потому что прежним мир не может оставаться постоянно. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-749523-7

© Ларин Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Кабинет доктора Арбузовой	9
Скромное обаяние гречневого плова	12
Лирическое отступление	16
Занимательная кулинария	17
Мистер и миссис Тротски	19
Акт 1	19
Акт 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Олень двугорбый
Сборник всего на свете
Н. Ларин

© Н. Ларин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Из доклада Никиты Ларина по копрологии

Какое слово должно быть сказано первоначально говно или дерьмо?

Отношением к словам «говно» и «дерьмо» фундируется степень реализованности эмансипационного дискурса в обществе, в котором происходит их артикуляция. Именно их соотношение или, пользуясь гегелевской терминологией, рефлексия характеризует современное состояние социальной динамики. В постановке данного вопроса я занимаю принципиальную позицию ортодоксального марксиста.

Фундаментальное различие между классическим марксизмом и т. н. «постмарксизмом» (или, вернее, постмарксизмами) проходит по водоразделу их отношения к проблеме классовой борьбы. В повседневной жизни различные общественные группы включены в множество локальных, частных конфликтов за своё признание: рабочие ведут борьбу за увеличение заработной платы, сексуальные меньшинства за равноправие с большинством, феминистки требуют, чтобы их не считали верблюдами, пацифистское движение выступает за мир во всём мире, «пятая колонна» борется за победу украинских войск и торжество Навального, и даже, например, – пользуясь известным положением М. Фуко о дисперсном характере власти, проникающей даже в межличностные отношения, – Никита Ларин и Анна Спажская борются за любовь Марка Кроля. Для марксизма момент революции является своеобразным *Augenblick*, в котором эти частные партикулярные сражения концентрируются в одном антагонистическом противостоянии между двумя классами, от чьего исхода зависит решения остальных конфликтов.

В постмарксизме утверждается спекулятивный характер определения классовой борьбы в качестве основополагающей, каждый вторичный конфликт может быть признан первостепенным; тогда мы получаем уйму фундаментализмов – от феминизма до марк-кролизма – от решения которых будет зависеть и решение всех остальных конфликтов. Иными словами, пользуясь гегелевской терминологией, пойдём по наклонной дурной бесконечности.

Экстраполируя вышеприведённые положения на нашу ситуацию, мы получим вывод о краеугольности реактивных форм социального отношения к паре «говно» и «дерьмо». Связанный ассоциативный ряд, включающий такие слова как «блядь», «ебать», «пизда», «уховёртка» и, введённое в научный оборот С. Шнуровым, «хуй», является вторичным и детерминированным приведённой выше оппозиций.

Означающее «дерьмо» семантически характеризуется такими коннотациями как буржуазность, приличность, нормальность и 12+. Только француз может полагать, что он извергает из себя нечистоты ругательств, произнося в ходе своей социальной практики слово «дерьмо». Это конструкция в духе нашего Ego: ровный пол, отделяющее пространство нашего тёмного подполья Id, чьи тревожные пульсации мы можем только чувствовать, от потолка нашего Super-ego, до которого мы не в состоянии дотянуться, почему мы и слышим от него постоянные скабрёзные издевательства над нашими попытками.

«Дерьмо» не имеет истории, как идеология (по Альтюссеру), оно как бы приходит из ниоткуда и не несёт на себе следов своего создания. Оно появляется из ниоткуда, как Каспар Хаузер на Троицын день. Нулевая дактилоскопия. Пустое означающее. Этимологические разыскания не дают нам никакой информации о происхождении этого слова. «Дерьмо» хочет показать нам, что оно всегда было с нами, всегда было вплетено в ткань нашего культурного кода. Разве нельзя сказать то же самое и о культуре в целом – она стремится показать свою имманентную присущность человеческому существованию, чтобы скрыть свой репрессивный и исторически переходящий характер?

Но какой простор открывает нам свободная игра созвучий с означающим «дерьмо». Здесь и δέρμα, как бы намекающее нам на поверхностный манифестарный характер «дерьма», на его роль Ego и культурного регулятора, своеобразной социальной кожи, скрывающей подпочвенные процессы, и секьюритизирующей целостность социума. Секьюритизация рассматривается мной в рамках подхода Копенгагенской школы безопасности как экстремальная версия политизации.

Или часто употребляемый носителями песионерско-коммунистического дискурса неологизм «дерьмократия», где δῆμος по созвучию заменён на «дерьмо». Это блестящая замена даёт нам подлинный ключ к пониманию места слова «дерьмо»: народ, как актер усреднённого (правильного, нормального) культурного кода различий, уравнивается с дерьмом.

Обратимся теперь ко второй части оппозиции. Gówno в польском, hovno в чешском, гівно в украинском – в русском, болгарском и сербохорватском представлено словом «говно». Обычно рассматривают как ступень чередования к русско-церковнославянскому «огавити», восходящему к древне-индийским gūthas «нечистоты, грязь», guvatī «испражняется». Фасмер в своём «Этимологическом словаре русского языка» делает замечательное предположение о родственности говна и говядо «бык», и следующим отсюда первоначальным значением – «коровий помёт». Тем самым нам даётся подсказка к пониманию истинного значения слова «говно». Животное происхождение «говна» самое намекает на его характер, избегающий символизации и культивирования.

В терминах Лакана «дерьмо» есть некий символический порядок, тогда как «говно» – ужасающее Реальное, от вторжения которого мы всеми силами культуры стремимся защититься. Уточнение происходит с помощью концепта хоры, введённого Ю. Кристевой, и означающий пульсирующий бином под символьным порядком и матеральное (материнское) субстанциональное начало. Это и есть говно.

По выражению Хайдеггера, те, кто подходят слишком близко к онтологической Истине, обречены ошибиться на онтическом уровне. Здесь же мы прошли путь от онтического до онтологического уровня. Иными словами, экзистенциализм ставил проблему свободы как проблему выбора: человек обречён на свободу, потому что он сталкивается с необходимостью выбора. Я бы уточнил это известное положение: выбор всегда происходит между говном и дерьмом.

Слияние говна и дерьма происходит в литературном творчестве. Это воззрение восходит ещё к «философии искусства» Шеллинга, видевшего в выражении себя «художественным гением» бесконечности, недоступной для выражения конечного рассудка. В творческом акте мы достигаем единства с абсолютным тождеством, в котором исчезают различия между говном и дерьмом. Не этого ли единства стремились достичь некоторые протестантско-гностические секты, поглощавшие во время евхаристии гуано и урину как плоть и кровь Христову?

Писать – значит срать. Чудесная омография слов писать и пisać подтверждает нам это. Гегель видел симптоматическое значение в том, что самый низменный и самый возвышенный процесс, – мочеиспускание и продолжение жизни – совершается с помощью одного и того же органа. Только подлинная литература далека от жидкого, неустойчивого разлива урины по листу бумаги. Писать – значит срать. Опорожняться от накопившегося количества идейных масс внутри организма с громким возгласом: «Я сделал это!». И потом любоваться и вдыхать пряный аромат своего творческого результата.

Какая монументальная картина материализуется перед нашими глазами (и даже слегка их пощипывает), когда слышишь изречение: «Лев Толстой насрал четыре увесистых тома «Войны и мира». А вот гении латиноамериканской литературы: Борхес и Кортасар – они пожиже, надридали сборниками рассказов. Связано это, вероятно, с тем, что они употребляли в пищу, в основном, тако, чимичангу и буррито, что ненавязчиво приводит к диарее. Следствием же

веганизма, который употреблял Лев Толстой, являются, как известно, перманентная дефекация и пердёж. Поэтому у него лучше и больше получилось.

Однако я не ставил перед собой цель изучения связи гуморальных пристрастий авторов с их творчеством, поэтому засим разрешите откланяться.

В середине

Кабинет доктора Арбузовой

У Сашки Иванова заболел зуб. Беда не велика, тем более, зуб-то молочный. Всего и делов – выдернуть. Да, и стоматологом в районной поликлинике работает тётя Маша, Мария Ивановна Арбузова, соседка по лестничной площадке Ивановых. Хотя Сашка немного и побаивался соседку, тётка она была ничего, не то, что все эти ворчливые старухи, сидящие на лавочке даже летом в плащах и прочей тёплой одежде. Сашка был ещё тем хулиганом, и от бабок ему сильно доставалось.

Сашка в свои одиннадцать был уже вполне самостоятельным и в поликлинику пошёл один. Взяв направление в регистратуре, он поднялся на третий этаж занять место в очереди. Около зубокабинета никого не было. В дверь доктора Арбузовой раздался осторожный стук, и в слегка приоткрытый проход просунулась рыжая веснушчатая голова Сашки. Следом за головой на пороге кабинета показалось и всё озорное Сашкино туловище.

– Марьиванна, можно войти?

– Ты уже, – сказала Марья Ивановна с какой-то особенной располагающей строгостью. – Садись в кресло, – Марья Ивановна надела на себя маску, именованную у Сашки и всех его приятелей не иначе как намордником, в которой обычно все врачи проводят свои не очень приятные, но полезные для здоровья операции.

– Ба, что же это такое?! – воскликнула Марья Ивановна, не успев даже сунуть никакой зубокабинетной пакости Сашке в открытый рот, – ты свои ногти-то на руках, охламон ты эдакий, видел? Чернее негра в Африке! Суешь такие грязные руки в рот, от этого зубы и болят. Куда это только тётя Нина (это Сашкина мама) смотрит?!

– Ты хоть знаешь, что грязница эта может попасть в кровь и тогда – всё, смертельный случай. Немедля иди в 101 кабинет к Араму Карапетовичу – я дам тебе направление – пока не сходишь, не смей даже появляться на моих глазах.

Сашка обречённо выполз из кабинета тётя Маши и поплёлся на первый этаж. Теперь придётся, похоже, весь день провести у этих назойливых докторов. И чего это они вечно лезут не в свои дела?! Ну, грязные ногти, подумаешь, им-то чего? Всё равно же, вечером будет гонять мячик во дворе и снова измарается.

Арам Карапетович, толстый дядька с тёмным, почти чёрным лицом («Ещё чернее, чем мои ногти, а ещё собрался меня лечить», – подумал Сашка), мельком посмотрел на руки своего пациента и сказал:

– Очень грязный ноготь, очень. Грязь может немедленно угодить в кровь и привести к последующему летальному исходу. Неужели ты не знаешь таких простых вещей, мальчик?

Сашка помотал головой. Во-первых, он не понял, как исход куда-то может улететь, а, во-вторых, ему совсем не нравился этот Арам-как-его-там, и он поскорее хотел от него смотаться. Очень уж он был похож лицом на его дядьку, от которого никогда подарков на день рождения и другие праздники не дождёшься.

Врач ещё раз посмотрел на Сашкины руки и сказал:

– Боюсь, мальчик, что уже слишком поздно для полумер и придётся действовать решительно. Удалить совсем надо ногти. Ложись пока на кушетку, а я сделаю тебе инъекцию местного обезболивающего.

Сашка послушался и лёг. Хотя он и делал вид, что ничего не боится, но уколы слегка его пугали, и один раз, когда у него брали кровь, он даже упал в обморок. Через пару минут операция по удалению ногтей была закончена, и Сашка мог быть свободен.

Врач замотал ему кровоточащие пальцы и отпустил с миром. Кстати, заодно и на пальцах ног тоже удалил ногти.

Прихрамывая, Сашка вновь подошёл к кабинету Марьи Ивановны. Стучаться было больно, поэтому он просто просунул без спросу свою рыжую веснушчатую голову, надеясь, что она не станет его сильно ругать за такую наглость.

Марья Ивановна, действительно, не стала. Или была занята какими-то важными непонятными врачебными делами.

Доктор Арбузова строго посмотрела одним глазом на Сашку, жмущегося в уголке кабинета, и сказала:

– Лохмы-то что у тебя какие? Вам в школе разве не говорили, что в районе эпидемия вшей?! Куда только наше образование смотрит? Ладно, несись к заведующему нашей АХЧ Ананьеву Павлу Борисовичу, – он у нас стричь хорошо умеет. Машинка постригательная у него есть, вернее. В парикмахерскую не успеешь уже, а ещё зуб твой лечить. Вот тётя Нина будет рада, что хоть я за тобой присмотрела, о здоровье твоём позаботилась.

Сашка не знал, что такое АХЧ, и бежать уже не мог. Хорошо хоть тётя Маша сказала ему. Найти смог.

«Вот как с котом нашим, Рулоном, когти обрезали, мебель чтобы не драл. И шерсть теперь, чтобы не мусорил ей», – думал Сашка по дороге, – «И чего она ко мне привязалась, пустяки же».

Павел Борисович оказался весёлым толстым дядькой в очках и синем костюме.

«На трудовика нашего похож», – подумал Сашка.

– Ну, проходи, охламон. Что, байстрик, постричь тебя надо. Это мы мигом, не успеешь даже и глазом моргнуть. Да, что-то у тебя, сынок, и с глазами не порядок, забеги потом к окулисту нашему... этому... как его... её, Алексей-Алексан... тьфу ты... Неважно, в общем.

Толстый дядька принялся водить жужжащей машинкой по Сашкиной голове и напевать «Когда сады-ы-ы цвет-у-у-у-т», или что-то вроде того. И показывать пальцами правой руки как играет, будто на трубе. Сашкин сосед дядя Толя эту песню всё время напевает и также рукой показывает.

А вот Павел Борисович оказался плохим парикмахером и случайно отрезал оба уха и кончик носа слегка.

– Как в «Ералаше», помнишь? На, дома пришьёшь, – расхохотался заведующий странными буквами и положил уши Сашке в карман. – Ну, беги, давай, щегол.

Боясь расплакаться от боли, Сашка вновь поплёлся к Марье Ивановне. Он не был плаксою, что очень правильно, а вот забывчивым совсем малость был. И забыл к окулисту («Акуле», как ему подумалось) зайти на обратном пути.

– Кто это тебя так? Не уж-то Ананьев Павел Борисович? Вот ведь алкаш, с утра, небось, уже нализался. Криворукий. Садись-ка в кресло, сейчас за травматологом нашим, Ефимом Ивановичем, сбегаю. И за Арамом Карапетовичем тоже надо, пусть посмотрит.

Марья Ивановна не побежала, как обещала, а пошла своим обычным шагом. А Сашка сел в кресло и захныкал. Так хорошие мальчики не поступают, потому что из них должны вырастать настоящие мужчины и защитники Отечества. И девочек не должны обижать. Иначе все мужчины будут такими, как этот Ананьев Павел Борисович, который уши детям отрезает.

Тётя Маша вернулась с Арам-как-его-там, Ефимом Ивановичем и зачем-то Павлом Борисовичем. В руке Павел Борисович держал ножовку, Сашкин папа такой же деревяшки разные пилит и Сашке иногда давал попилить.

– Теперь мне из-за тебя, хлюст, влетит, – прогрохотал Павел Борисович, – с глазёнками у него не так что-то, за этой своей Алексей-Алекян... тьфу...

– Александра Алексеевна...

– Да, за ей послать бы ещё надо.

– Сейчас пошлём, – сказала Марья Ивановна, – но вначале разрешите, я своим делом займусь. Вы, Арам Карапетович, пока раны его осмотрите. Так и думала, все зубы кариес поразил. Надо срочно удалять. Все. И введите ему побольше и посильнее обезболивающего. Местного.

– А чего их удалять, – попытался возразить Сашка, – они же молочные почти все – сами скоро выпадут.

– Да как ты смеешь со старшими так разговаривать?! Или забыл, где находишься?!

Что, Арам Карапетович, скажете?

– Очень сильный плохой запущенный случай. Гангрена газовая. Мы посоветовались с доктором Ефимом, моим двоюродным братом, ампутация незамедлительно необходима всех конечностей.

Всеми конечностями на языке врачей называются ноги и руки. Пока Марья Ивановна удаляла зубы, Павел Борисович отпиливал ножовкой конечности, напевая «Когда сады-ы-ы-цвет-у-у-у-у-т», или что-то вроде того. И пальцами правой руки показывал как играет, будто на трубе.

Последнее, что видел в своей жизни Сашка – это лицо «Акулы» -окулиста. Совсем не акулье, а ласковое, в очках, как у его старшей сестры. И руки, которыми она потрепала его за щёки, были точь-в-точь такими же тёплыми и нежными, как сестрины.

– Не бойся, зайка, я только глазки твои посмотрю. Больно не будет. Ой, как всё плохо, конъюнктивит в последней стадии глаукомы. Теперь наш зайчик без глазиков своих будет.

«Акула» -окулист в двух руках поднесла к Сашкиным глазам иголки – и свет для него насовсем погас. Остальное он только слышал.

«А на башке-то у охламона что? Никак опухоль. Раковая. Это к онкологу, Айдару-как-же... тьфу... Не ходить можете даже, сам вижу, что рак».

«Это веснушки, Павел Борисович».

«Какой хрен разница, из них рак на морде у охламона этого сделается. Надо всю кожу с него сдирать, а то вглубь пойдёт. И пузо у него какое, небось, на сносях. Неплохо было бы и в родильное отделение съездить».

«Уймись, Паша, совсем уже погнался».

Но кожу всё-таки с Сашки сняли. И роды приняли. Правда, умер он не от этого. А оттого, что, кажется, Павел Борисович доказал проникновение раковой опухоли размером с куриное яйцо в Сашкин мозг. Пришлось, ампутировать мальчику мозг, вместе с головой.

Я очень уважаю и, прямо даже так скажу: люблю нашу отечественную медицину!

Когда человек болеет, он находится в подвешенном состоянии: то ли он движется в сторону смерти, то ли в сторону выздоровления. Но совсем здоровым быть не возможно – это вполне доказано современной наукой. Поэтому все мы движемся в сторону смерти, нежели в сторону выздоровления. Отсюда легко сделать уже напрашивающийся промежуточный вывод о том, что мертвец представляет собой более устойчивый и стабильный субъект. А в нашем существовании, как известно, ничего более достойного устойчивости и стабильности не бывает.

И теперь делаем заключительный вывод о том, что медицина приносит обществу больше пользы, если помогает человеку стать поскорее мёртвым.

Третьим было

Скромное обаяние гречневого плова или Званный ужин, устроенный Иваном Петровичем по случаю тезоименитства соседа его Ивана Ивановича и события, произошедшие далече в ходе мероприятия оногo.

(Посв. актам приёма пищи в к/ф Луиса Бунюэля)

После смерти жены от пиелонефрита Иваном Петровичем (56 лет, водитель такси) овладело преимущественно одно стремление – делать людям добро. «Благость совершать всенепременнейше», – так он именовал своё новое душевное состояние. Случай для благого поступка подвернулся почти сразу же после смерти жены, на девятый день, пришедшийся на именины соседа по лестничной площадке 4-ого этажа Ивана Петровича, – Ивана Ивановича.

«Дай-ка, я одним махом двоих зайцев убью, – подумал про себя Иван Петрович, – и жене поминки справлю, и Ивану-свет Ивановичу благость совершу всенепременнейше. Устрою суаре в честь его тезоименитства».

По русской традиции на девятый день поминовение усопшего коллективным принятием пищи устраивается. Как и на сороковой. Суаре значит званный ужин, а тезоименитство – именины.

Совсем забыл уведомить, что Иван Петрович до события, именуемого в нашей истории Перестройкой, работал инженером на секретном военном предприятии и имел значок «Почётного рационализатора» за свои новаторства и изобретения. С тех пор Иван Петрович на постоянной основе оставил себе привычку рационализировать и изобретать что-нибудь с целью облегчения жизненного существования. Вот и на званом ужине он решил опробовать собственное изобретение – вместо стульев гостям поставить унитазы.

«И не надо будет никуда бегать, захотел опроститься после пищеварения, сразу и сделал все дела, и малые и большие. И овцы целы, и волки сыты, как говорится», – думал про себя Иван Петрович.

Отмечу, что изобретение его весьма удачное и полезное, которое в скором времени я сам и запатентую. А Иван Петрович не сможет, потому что его не станет в живых до того, как этот рассказ закончится.

Полдня Иван Петрович собирал по округе выкинутые унитазы, даже свой домашний пришлось переместить из уборной в залу. Остальные отправился в Заволжье собирать. За проезд в общественном транспорте Иван Петрович не оплатил, он подумал, что и так уже много блага причиняет людям, лишнего будет. Но совсем инкогнито соблюсти ему совесть не позволила, поэтому выходя из автобуса, он крикнул что-то вроде: «За ВДВ!», – дескать, вот я вам за проезд не оплатил. Иван Петрович обладал восхитительным чувством юмора.

Попытка *carpatio benevolentiae* Ивана Ивановича Иваном Петровичем вылилась в следующие событийные хитросплетения:

На приглашение торжественно отужинать, Иван Иванович (34 года, токарь-карусельщик) хотел отреагировать тирадой, включающей в себя различные комбинации со словами «на хуй», «бля» и «ёб».

Да, что же такое с моей памятью твориться! Ни к чёрту, просто стала! Ведь забыл упомянуть, что Иван Петрович мяса не ел и алкоголей вовсе не употреблял. А Иван Иванович не представлял себе торжественного ужина «без бухла и пельменей», как он выражался. Но ещё Иван Иванович был чрезвычайно очень охоч до женского пола в плане совращения, а Иван

Петрович пообещал наличие одного на суаре. Наличие дочки своей пообещал. И алкогольных напитков пообещал.

Список приглашённых в порядке... хотя без порядка:

Анжела, 25 лет, дочь Ивана Петровича;

Снежана, 24 года, косметолог, подруга дочери Ивана Петровича;

Катерина Матвеевна, 57 лет, библиотекарь, коллега усопшей жены Ивана Петровича;

Георгий Георгиевич, 60 лет, кондуктор в трамвае, друг Ивана Петровича по КСП.

И, естественно, виновник торжества – Иван Иванович.

Не пригласили только верхнего соседа Толика, который очень возжелал попасть на мероприятие, узнав, что будут там еду бесплатно раздавать и алкогольные напитки. Толик страдал (это так говорить, на самом деле, страданий ему мало доставляло) алкоголизмом третьей стадии. Но Толик сумеет всё-таки засветиться на званом ужине и стать косвенной причиной его преждевременного окончания.

Катерина Матвеевна весь вечер будет стремиться к тому, чтобы Иван Иванович использовал её в плане совращения. Тогда как Иван Иванович намеревался использовать в плане совращения Анжелу. Или Снежану. Без разницы.

Вот наступают условленные шесть часов вечера начала званого ужина, и гости в полном составе появляются в зале квартиры Ивана Петровича. Около окна установлен стол, на нём белая клеёночка, пластиковые тарелки; вокруг стола стоят 7 унитазов. Один лишний предназначен для Клавдии Геннадьевны (мать Ивана Петровича, 88 лет, пенсионерка), которая не смогла присутствовать в силу своей скоростной кончины в утро того же дня.

Иван Иванович (*увидев расставленные унитазы*): На этом, бля, сидеть будем? Мудак очкастый походу в край ебанулся уже.

Анжела: Да, папа, что-то сильно чудит...

Ив. Иванович: Ёбнулся он у тебя в край, вот и всё.

Катерина Матвеевна (*смеясь*): Ой, вы такой эксцентрик, Иван Иванович, просто не могу с вами. Ха-ха-ха. Просто парвеню самый настоящий.

Иван Иванович: Чё?

Иван Петрович: Прошу к столу, гости дорогие. Ивана Ивановича как именинника во главу. Рассаживайтесь, салфеточки кладите на колени, а я пока пойду на кухне поколдую. Но прежде я засниму вас на добрую память на трофейный фотоаппарат «Лейка», некогда принадлежавший моему отцу.

Катерина Матвеевна: Давайте. Иван Иванович я вам салфеточку на коленки положу. Ха-ха-ха. Ну и эксцентрик, ну и парвеню.

Иван Иванович: Лучше я на телефон. Садись, пока, олень на моё место.

Иван Иванович встаёт спиной перед столом, нагибается и выпускает с громкоподобным звуком газы из кишечника, также именуемые желудочными ветрами, в лицо собравшимся. Катерина Матвеевна долго смеётся и хохочет, сравнивая Ивана Ивановича с «молодым Жан-Жаком Бельмондо»; Георгию Георгиевичу это напоминает сцену из к/ф «Виридиана», но он оказывается чересчур благовоспитанным и не изъясняет своих мыслей вслух.

На первое у Ивана Петровича был фирменный суп с черносливом и арбузными корками. Суп стоит в холодильнике и охлаждается. Иван Петрович лезет в холодильник, чтобы достать кастрюлю и разогреть её на газовой плите – и тут с ним случается несчастье. В глазах что-то потемнело немного совсем напрочь, и Иван Петрович падает и разливает весь свой фирменный супчик прямо-таки на пол.

Маша, т. е. Анжела (*услышав шум, из зала*): Папа, с тобой всё хорошо?

Иван Петрович (*оклемавшись*): Да-да, доча, всё хорошо. Не беспокойся понапрасну.

Иван Иванович: Отец, а водка где? Ты обещал же. Напиздил, гондон старый.

Катерина Матвеевна: Ха-ха-ха. Такой эксцентрик, так эм-по-зантен.

Но не всё потеряно. Иван Петрович знает, как скрыть конфуз: собрать суп с пола тряпкой и выжать её в тарелки гостям. Он всегда умел бороться до самого конца и не терять присутствие духа сильно. Пусть немного, пусть чуть-чуть, пусть не досталось самому хозяину, но зато всем честно поровну. Какой же Иван Петрович умница, не перестаю им восхищаться.

На дороге между залой и кухней с Иваном Петровичем снова случается пренеприятность. Спаниель Джимми из другого рассказа бросается ему под ноги, и он в падении опрокидывает поднос с тарелками. Теперь первое блюдо точно потеряно. Стоит ли говорить, что в приступе ярости Иван Петрович разможил проклятому животному его тупую голову. Хотя Иван Петрович в обыденной другой иначе жизни очень даже любит животных и защищает их права на митингах и пикетах в сквере на ул. Гончарова.

Отступать некуда, велика квартира, но позади зала с гостями. Приходится Ивану Петровичу идти и коленопреклонно извиняться за отсутствие первого блюда. Но второе – фирменный гречневый плов со свиной – точно будет.

Иван Иванович: Хоть с мясом. А с бухлом ты наебал ведь, очкастый. Не забудь напомнить, чтобы я тебе перед уходом въебал по зубам.

Катерина Матвеевна: Ха-ха-ха. Такой эксцентрик, так эм-по-зантен.

Иван Иванович: Да уткнись ты, заебала уже. Тоже, бля, словишь.

Катерина Матвеевна: Ха-ха-ха.

Фирменный гречневый плов со свиной был приготовлен без свинины. Потому что Иван Петрович верит в Кришну и очень против поедания мяса, и никогда такого в своей квартире не допустит позволить. И без гречки. Кажется, из перловки он был.

И вот плов на столе, и гости его мирно раскладывают по своим собственным тарелкам, а Катерина Матвеевна раскладывает Ивану Ивановичу ещё, кроме себя.

Иван Иванович (*совершенно напрочь забывший, что сидит на унитазах. У него прекрасные манеры не этого века!*): Чё-то срать перед едой захотелось, пойду схожу.

И тут снова случается неприятность. Le petit accident, как раньше говорили барышни, страдающие метеоризмом. Неведомым образом, когда Катерина Матвеевна покрывала колени Ивана Ивановича салфеточкой, она пристегнула кончик скатерти замком его джинс в районе гульфика. Как такое произошло, ума не приложу?! Нелепость какая-то, вздор! Поэтому, когда Иван Иванович стал удаляться для отправления естественных потребностей организма, то скатерть вместе с находившимся на ней содержимым последовала за ним. Чудесный гречневый плов со свиной оказался почти целиком на паркетном полу зала Ивана Петровича. Остатки можно было ещё спасти и доест, если бы в этот момент не влетел плашмя в окно Толик и не разломал стол совместно с посудой. Скорее, правда, это был труп Толика уже во время полета. А, может, в какой-то момент полёта он был ещё жив. Хотя это довольно щекотливый диалектический вопрос, и мы не будем на нём заикливаться так здесь.

Иван Иванович (*закуривая*): Заебком похавали.

Иван Петрович: Друзья, главное не печальтесь. Не надо печалиться, как поётся в одной хорошей старой песне. Вечер ещё только начинается, и всё впереди. Вся жизнь впереди. Мы ещё так молоды и статны. У нас ещё осталась культурно-массовая развлекательная программа. Мы с Жорочкой сейчас споём вам песню нашего собственного сочинения – «Сатана нам больше не друг». У Жорочки прекрасный голос. А вы, хлопайте и подпевайте все вместе, друзья. Только для этого надо выключить свет в комнате и зажечь свечи.

Катерина Матвеевна: О-ля-ля. Ля раомантик атмосфер.

Иван Петрович нажал на клавишу выключателя. Вот сколько раз я, и не только я, жаловался и в управляющую фирму, и куда только, по поводу нашей неисправной проводки. Говорили ведь, не далеко до беды. И она не заставила себя долго ждать. Ивана Петровича ударило током сильным и минут 25 трясло не переставая.

Иван Иванович: Кажись, кони двинул очкастый.

Анжела (*пиная почерневший труп*): Как я ненавидела всю жизнь этого ушлёпка. Слава богу, сдох. Вань, угости меня сигареткой и проводи меня до соседней комнаты на пятнадцать минут.

Иван Иванович (*протягивая сигарету*): Да, и пяти хватит...

И не соврал. Через 5 мин. они вновь вернулись. В комнате ничего не изменилось, только Катерина Матвеевна от перепугу протекла своими последними в жизни месячными, и Георгий Георгиевич немного полизал капли её менструации с пола.

Иван Иванович: Жареного можно с остатками гречного плова съесть. Хоть какое-то мясо.

Георгий Георгиевич (*осмелев*): Не советую. Он срамной болезнью какой-то болел. Заразиться можно, вдруг микробов не всех убило током. Я слышал, он собаку убил на кухне. Можно из её мозгов кисель сварить, я рецепт хороший знаю из «Книги о вкусной и здоровой пище» под редакцией Анастаса Ивановича Микояна.

Анжела: Съешьте лучше меня. Я тоже могу до выключателя дотронуться и зажариться так же.

Снежана: Иди ты. Что в тебе жрать-то? Ни пизды, ни рожи. Лучше меня, я пожирнее буду и понаваристее. Из меня и щи можно сделать.

Катерина Матвеевна: Лучше меня. Меня! Я вкуснее оттого, что моложе этих швабр.

Иван Иванович бьёт, в связи со своим обещанием, по лицу Кат. Матвеевну, и она умирает замертво по причине удара и тяжкого приступа отсутствия женского счастья.

С остальными барышнями поступили согласно их рекомендациям.

Вкусно получилось!

Отужинав, Иван Иванович и Георгий Георгиевич поцеловались и, взявшись за руки, выпрыгнули из окна. Но не погибли, а сильно только покалечились. Почему они так поступили, я не знаю. Без моего ведома и контроля всё сделали. Все такие самостоятельные стали.

Сами тоже ничего не смогли объяснить.

В полиции причиной всех явлений назвали совместное употребление гостями на званом ужине курительных смесей «Спайс». Про эти события на след. неделе даже специальный выпуск телепрограммы «Пусть говорят» выйдет.

Первонах

Лирическое отступление

Есть в наших кирпичях такая точность, что они чрезвычайно метко попадают по темечку. Однажды в чистое солнечное утро я прогуливался со своим знакомым Мишуткой по родному микрорайону.

Внезапно все дома начали рассыпаться на мелкие камешки. Сверху вниз стали рассыпаться. Объясняю точнее, сверху начали распадаться на мелкие камешки и бить этими камешками прохожих, куда им заблагорассудится. Так и падали, пока все дома не исчезали разрушенные.

Потом камни посыпались крупнее. Если с дождём такое происходит, то говорят про него, что усилился, или сильнее пошёл.

Я знал, что происходило, но предпочёл молчать. Иногда словами не решить проблему. Например, когда одним уже достаточно крупным круглым камнем попало по лбу такому же одному достаточно крупному круглому господину, и он замертво упал. Если бы я подошёл и рассказал ему, в чём причина, ничего же не изменилось бы. Так бы и остался лежать.

Или вот когда успели перебежать одну улицу имени двенадцатого сентября, и Мишутке тоже стукнуло камнем и он охромел на один глаз, кажется, правый.

Мы увидели, что двенадцатиэтажный дом рассыпался уже до десятого этажа. Иными словами, от двенадцати этажей остался первый, второй, третий, четвёртый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый и десятый этаж, если считать их, начиная от земли. А одиннадцатого и двенадцатого этажей не осталось. Они уже рассыпались.

Это даже Мишутка своим оставшимся глазом увидел.

Появляется моя старая страшная соседка. По совместительству, подрабатывающая ведьмой. И говорит своим мерзким визгливым голосом:

– Теперь я разрушила твой дом, и тебе больше негде жить. Будешь жить у меня. И я твоей матерью буду, а не ведьмой-соседкой.

– Что ты наделала, старая ведьма-соседка? Ведь ты – соседка мне, и твоя квартира тоже погибла, – и показал на её, рассыпающуюся на крупные камешки, квартиру.

– Что я наделала, старая ведьма-соседка?! У меня же там кошкам рыба на плите варится. И две кошки одни дома.

Вкратце резюмирую: кошки остались живы. Обе.

Не помню, когда писал

Занимательная кулинария или Как быстро справиться с депрессией с помощью инновационной авторской методики, основанной на гуморальных изысканиях традиционных кухонь некоторых народов мира

Когда жена у некоего 19 ушла к другому, некоему 3, то некий 19 не стал ничего делать, кроме как грызть ногти. Вначале он сгрыз ногти на руках, затем он сгрыз ногти на ногах, причём всегда начинал ногтем на большом пальце, а заканчивал на безымянном. Когда ногти были закончены, некий 19 отгрыз себе нос и спрятал его в буханку хлеба. На пальцы он не стал замениваться и отгрыз сразу себе руки чуть выше локтя, сначала левую, затем не левую. В первый раз за свою неказистую жизнь некий 19 задумался, что ему делать дальше. Думал он не долго, половину дня не более. К этому времени ненужные обрубки рук его стали нагнаиваться. Спаниель Джимми начал проявлять значительный нездоровый интерес к ошмёткам рук и намеревался даже употребить их себе в виде собачьего пропитания. Убить тупое животное некоему 19 в связи с отсутствием рук было несколько проблематично, но, в конце концов, он справился с ловкостью и изяществом с поставленной задачей. Во время сражения, правда, мерзкой твари удалось в предсмертных конвульсиях откусить у некоего 19 нижнюю губу. Теперь не оставалось ничего делать, как сгрызть и верхнюю губу. В отсутствии наличия жены половые принадлежности тоже больше не могли понадобиться. Ну и в расход их! Тем более, как учат нас поваренные книги экзотических народов мира, тестикулы являются безусловно ценным гастрономическим продуктом. Пальцами ног некий 19 выдавил себе глазные яблоки и с превеликим удовольствием съел их запечёнными. Намного вкуснее и полезнее обычных яблок! Вечно попадают то червивые, то битые об пол земли. Труднее было с ногами – перегрызть их было достаточно тяжёло, кости у некоего 19 были достаточно прочными. Пришлось отпиливать небольшими изящными порциями, а затем дробить молотком, для лучшего развёртывания процесса прожёвывания. Язык очень досаждал некоему 19 ещё в течение продолжения жизни, поэтому он расстался с ним лёгко и безо всякой тени сомнения. Жаренный язык принёс пользы больше, чем когда он был сырым и склизким и болтал всякую ерунду, осложняя местопребывание в обществе! В это время произошло ещё одно досадное обстоятельство. Внутренности в животе, не справившись с перевариванием костей ног, разболелись. Но... о, мой бог, что я вижу?! Перед нами настоящий хилер! Используя чудесную силу зубов, некий 19 вытащил наружу свои внутренние органы и проглотил их. Боль моментально прошла. Теперь, когда отсутствовали внутренние преграды в теле, некий 19 смог ловко извернуться, лучше Дэвида Блейна или старомодного Гарри Гудини, чтобы отведать свои нежные ягодицы. Что там ещё осталось? Мясо на рёбрышках понравилось смаковать некоему 19 даже сырым. Жаль, конечно, не удалось их хорошенько подкоптить на открытом огне, но не оставлять же их. Вот, вроде, на этом наш кулинарный марафон и заканчивается. В окно поместился трамвай за №-ом 4 и остался в нём ровно на середине вагона. Пассажиры начали возмущаться, а один дядечка даже попытался слегка стукнуть молотком для разбивания окошек при экстренном выходе по физиономии кондукторшу, кричавшую, что как только дадут электричество в провода, трамвай продолжит свой привычный путь. Из шифоньера вышел совсем маленький человек небольшого роста и справил естественные потребности организма в лице мочеиспускания, дефекации, семяизвержения и рвоты на останки какого-то совершенно мне неприятного человека. На свежепобелённый потолок, словно на только что залитый зимний каток, начали неизвестно откуда выползать чёрные упитанные мадагаскарские тараканы, похожие на описанных Гоголем чиновников

в одной из замечательнейших сцен в бессмертной поэме «Мёртвые души». Скоро их было уже столько безгранично много, что они стали просто падать, как пьяные негры, куда им вздумает получиться. Бабка в белом чистом платочке всю дорогу от школы до пруда, где я собирался топиться, шла за мной по деревянной мостовой и кричала: «Постой! Постой! Поговори со мной! Я любила тебя всей душой и не могу вот так расстаться с тобой!». Пришлось и её утопить, чтобы не вызывать ненужных в обществе пересудов и сплетен. Общество подобралось приличное (одна девушка даже весьма порядочно недурственно целовалась) для зимней прогулки по вокзалу. Жалко, что недурственно целовавшаяся девушка споткнулась на мазуте и храбро покалечилась об оловянные рельсы. Или вот так: один стеклянный глаз, глядя на другой... хотя нет, это, как говорится, уже совершенно другая история. Надо отделять, в конце концов, мух от плевел.

Или это первое

Мистер и миссис Тротски

*День рождения Гробмана
Превратился
В бедлам
В суицид бедлам
Все пьют
И блюют
В соседний сад*
Игорь Холин, Текстили

АКТ 1

У людей, которые пытаются придать себе вид respectable жизни, всегда есть свои секреты и своя обратная сторона Луны. В этом грязном подвале, скрытым от глаз посторонних, всегда можно обнаружить истлевший труп собственноручно убитой матери или целое кладбище одиноких джентльменов, не в добрый час зашедших на огонёк. И самые правильные, самые высоконравственные обычно ведут самую низкую и подлую жизнь.

Для кого-то это значит оказывать знаки одному, и в то же самое время готовить план его коварного убийства вместе с новой зазнобой. Дребезжащий холодильник «Саратов» работал в топовом рекламном агентстве на проспекте Мэдисон, там же трудился художником полковник Сандерс. Сандерс был безответно влюблён в дребезжащий холодильник «Саратов»: дарил розы в коробках с записочками и купидонами, водил в «Мечты на прокат», лежал рядом на пикниках в Гефсиманском саду и нежно, безответно гладил его упругие белые мышцы. Кажется, и дребезжащий холодильник «Саратов» не противился ухаживаниям своего коллеги. Пока не появилась она. Разлучница. И одним взмахом разбила начинавшийся служебный роман. Дальше кадры мелькают, словно в фильме Хичкока. Белый свитер Сандерса был алым от крови; окровавленные ножи в руках у дребезжащего холодильника «Саратова» и разлучницы; их лица растекшиеся в злобных усмешках; вой полицейских сирен; бегство; они запираются дома и, обернувшись в простыни, поджигают себя с злобным смехом.

Другие готовы всё сделать ради того, чтобы их дети не отличались от остальных сверстников. И не замечают проблем, происходящих с их чадами. Марк Фейгин после ухода отца из семьи стал замкнутым и нелюдимым. Но мать и бабушка не могли налюбоваться на отпрыска и старательно не замечали, что он не мог налюбоваться на собственноручно убиенных кошек и собачек. Марк вырос, вырослее становились и игрушки. Со своим единственным другом Кириллом Амхаровым они истребили население нашего соседнего городка, и, в конце концов, готовы были выстрелить друг другу в голову, если бы их вовремя не повязала федеральная стража.

Уличная улица знает множество похожих историй. Но все её обитатели не идут ни в какое сравнение с пожилой семейной парой, обосновавшейся в наших соседях в начале ноября... года. Они пытались задвинуть поглубже своих скелетов в шкаф, но сделать это им так и не удалось, – всё тайное когда-то становится явным и от правды не сбежать, как сильно бы этого не хотелось.

Я прекрасно помню тот день. Стояла один из последних тёплых дней индейского лета, когда солнце перед двухмесячным расставаньем дарит в качестве прощального подарка тёплые пучки света. Я возился в гараже, Ева была на кухне. Звонок в дверь, на пороге пожилая

интеллигентная пара. Кажется, они только что покинули читальный зал в библиотеке, и книги ещё лежат открытыми на столах.

– Добрый день, мы ваши соседи – мистер и миссис Тротски, мы поселились двумя домами ниже, где до нас прежде жили Голдуотеры. Мы переехали с Умеренного Севера. До выхода на пенсию я работал учителем математики, а миссис Тротски трудилась по музейной части. Детей у нас нет, но есть премиальный бронепоезд в личном пользовании, – любезно интродуцировался за двоих мистер Тротски.

– Меня зовут Ева, а это мой муж – Адам, – взяла слово моя жена. – Мы – Уэбберы. А это наши дети: Авель, Каин и Сиф, остальные умерли во младенчестве, мы использовали их останки в качестве наполнителя для кошачьего туалета. Они оказались отличным адсорбентом, и Адам запатентовал технологию, принёсшую нам приличный доход среднего класса. Прежде мы были очень бедны, и муженёк не мог купить мне даже шубы. А мистер Серпент прельщал меня своей яхтой, на которой он бороздил просторы горных хребтов. Но потом семейный кризис миновал, и вот мы живём на Уличной улице в собственном двухэтажном доме с мезонином и четырьмя туалетными комнатами. Кстати, как вам бывший дом Герцынов, живших прежде Голдуотеров?

– О, он такой милый и прекрасный, – пирожково вписалась в разговор миссис Тротски в бигудях и роговых очках. – Но мы знаем, что до Герцынов в нём проживали Платоновы, приделавшие к дому замечательный эркер.

– Не смей при мне упоминать про Платон! – взвопил мистер Тротски и начал исходиться пеной, тёкшей по его козлиной бородке. – Это всё грязные инсинуации Сталина и его клеветов, не имеющие никакого отношения к социализму, а целокупно происходящие из сталинизма!

Это был первый звоночек. Но, как известно, почтальон всегда звонит дважды. И он не преминул в скорости прозвучать.

– Я испекла пирожные по фирменному рецепту предсоветника Цинцинната, занимавшего дом прежде... Я испекла пирожные, – дипломатично перевела разговор в сторону съестного миссис Тротски.

– Это волшебно, заходите к нам, поболтаем и отведаем пирожные, – предложила моя жена Ева.

Хотя мне ничуть не хотелось видеть это семейство, особенно на территории своего жилища. Но приглашение было, велика квартира, но позади зала с гостями, как говорить у нас.

– Кстати, вы почувствовали особый специфический привкус у пирожных? – спросила миссис Тротски.

– О, да-да, восхитительный вкус я сразу заприметила, – искромётности моей жене Еве не занимать. – Признайтесь, миссис Тротски, вы добавляете в раствор щепотку конского ванилина?

– Про добавки вы весьма верно догадались, но не догадались, что это на самом деле имело место быть, – с акцентом ответила миссис Тротски. – Это часть тела мистера Тротски. Кажется, нога.

– Правая, – довольно улыбаясь, подтвердил мистер Тротски. В доказательство своих слов он закатал штанину по колено и продемонстрировал титановый протез.

– Я всегда добавляю части мистера Тротски в свои пирожные для лучшего вкуса и лёгкой усвояемости основ ленинизма. В Анкаре это была рука, а в Норвегии сало с боков. Для начала мы с мистером Тротски их сжигаем в камельке, а потом пепел я добавляю в тесто. Согласитесь, вкус блюда изумительный!

Я больше не мог сопротивляться позывам желудка и оконфузился рвотой на кашемировый ковёр. Кровью.

АКТ 2

– Что вы думаете о наших новых соседях, мистере и миссис Тротски? – первым задал интересующий всех нас вопрос на встрече нашего мужского клубного объединения «Соковкин» Кестлер.

Кестлер сел за руль велосипеда и налил себе стакан виски с пятью каплями талой воды.

Хаксли слез с велосипеда и налил себе стакан виски со льдом.

Орвелл поставил велосипед рядом с собой и налил себе стакан виски чистоганом.

Чилига проверил шины велосипеда и налил себе стакан виски с содовой.

Рейсс подкачал шины велосипеда и налил себе стакан виски с зелёным чаем.

Камю застегнул пальто и налил себе бокал коньяка. Хренов хипстер!

– Вчера миссис Камю встретила миссис Тротски в универсаме «Револьте». Миссис Тротски покупала спички, по её словам, нужные мистеру Тротски для разжигания перманентной революции. Ещё миссис Тротски купила пару кусков России, которые можно бросить в качестве топлива в пожар мирового восстания, – отхлёбывая свой сраный коньяк, сказал парвеню Камю.

– В понедельник я встретил мистера Тротски на пикете возле городской ратуши, где он выступал со спичем. Признаться, он был сильно возмущён и находился в крайне экзальтированном состоянии. Несколько раз у него даже пошла пена ртом и кровь глазами и носом. Пару раз мне даже показалось, что он обмочился штанами, но я не уверен. Вполне вероятно, это случился обман зрения, как в случае с фотографией Сергея Удальцова. Я просто напомнил о нём, вследствие того, что все о нём запаматовали. Хотя я тоже забыл, так как из-за того, что я близко принимаю к сердцу и прочим внутренним органам алкоголизм, – сказал Орвелл и залпом махнул свой стакан виски и налил ещё один.

– Так за что же или против чего выступал мистер Тротски? – спросил Кестлер и выпил пять капель талой воды из стакана с виски.

– Не помню. У меня же развивается синдром Корсакова. Кажется, он говорил, что присоединение переулка Гоши Рубчинского к проспекту Павла Петеля вовсе не добровольно и не освобождение, а аннексия, которая нанесёт вред всему движению в городе. Кажется, так, – сказал Орвелл и залпом махнул свой стакан виски и налил ещё один.

– Это ещё что. Вот я вам доложу, что у них и в семье непорядок. Миссис Рейсс не даст соврать. Она рассказывает, что мистер Тротски обвинил миссис Тротски в сотрудничестве со сталинокайдзю и создал против неё Объединённый гаражный Интернационал №6. В свою очередь, миссис Тротски объявила мистера Тротски похитителем половины её кокошника и объединилась совместно со своим сынком – маленьким мистером Тротски, которого она уменьшительно-ласкательно называет Кировым в честь народного героя страны Филиппа Киророва, в комитет за Новый вторичный Интернационал. Правда, слегка позже маленький мистер Тротски, он же Киров, отпочковался от неё в районе столовой и объявил о создании Подготовительной междисциплинарной рабочей группы за Лучший Интернационал, – залезая на велосипед, доложил Рейсс.

– Néanmoins, мистер Тротски значится в нашей окружной библиотеке графства в качестве автора 250 монографий, 2600 статей в журналах из перечня ВАК, 34 изобретений, 8 частушек и трёх анекдотов, – парировал Камю, хлобыща свой богомерзкий коньяк. Господи, как же такого убудка земля-то носит! Гореть ему непременно после смерти в Ульяновске!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.